

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ • 1972

М. Н. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ О ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ДИРХЕМА И ДИНАРА¹ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ (IX—XII вв.)

Проблема «ценности» или покупательной способности дирхема и динара — основных денежных единиц средневекового мусульманского Востока — представляет большой интерес, но, к сожалению, пока мало изучена, так как решение этого вопроса сопряжено с большими трудностями. Автор английского перевода «Истории Бухары» Ричард Н. Фрай, например, считает, что «определение ценности дирхема Средней Азии того времени (IX—X вв. — М. Ф.) является невозможным²».

Вместе с тем решение ряда вопросов не только нумизматического, но и чисто исторического и историко-экономического порядка не представляется возможным без определения «ценности» дирхема и динара. Оба эти термина остаются абстрактными, мертвыми понятиями до тех пор, пока мы не узнаем, сколько хлеба, муки, ячменя можно было купить за дирхем или динар, сколько стоили земельный участок, предметы роскоши, вооружения и т. д. Очень важно и то, что покупательная способность дирхема и динара, как правило, являлась наиболее чутким показателем экономического состояния страны на разных этапах ее истории.

Единственным источником по указанному вопросу являются труды средневековых авторов, а для более позднего времени и вакуфные документы.

Обычно сведения о покупательной способности дирхема и динара встречаются в средневековых сочинениях не часто. В этом отношении «История Мас'уда», написанная одним из вы-

¹ Дирхем — серебряная монета весом 2,97 г., равен 48 медным фельсам. Динар — золотая монета весом 4,23 г., равен 20 дирхемам. См.: Ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей, пер. А. М. Беленицкого, Л., 1963, стр. 490.

² The history of Bukhara. Translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshakhi by Richard N. Frye, Cambridge—Massachusetts, 1954, p. 127.

дающихся летописцев газневидского круга Абу-л-Фазлом Бейхаки, является исключением.

Кроме того, о покупательной способности дирхема и динара мы узнаем из «Истории Бухары» Абу Бакра Наршахи, сочинения Низами Арузи Самарканди «Собрание редкостей или четыре беседы», а также из некоторых других произведений средневековых авторов. Эти источники дают ценные сведения по интересующему нас вопросу и позволяют провести аналогии между IX—X и XI — первой половиной XII вв.

Помимо сведений о ценах на различные товары и недвижимое имущество, в «Истории Мас'уда» содержатся данные, позволяющие проследить, как менялись эти цены в зависимости от экономического состояния Хорасана во второй четверти XI в.

Непомерные налоги, неуголимая алчность вельмож, не останавливавшихся перед открытым грабежом населения, разорительные военные походы, кончившиеся разгромом Мас'уда, его неумная расточительность — все это привело Хорасан к полному разорению.

Наказывая мелких воришек и грабителей, Мас'уд открыто поощрял крупных. Так, воин, отнявший у крестьянина овцу, был повешен по приказу Мас'уда³, а наместник Хорасана Абу-л-Фазл Сури, разоривший поборами страну, но преподнесший Мас'уду дары на 4 млн. дирхемов, был признан лучшим слугой государя. Причем, по утверждению современников, из десяти дирхемов Сури отдавал Мас'уду только пять⁴.

Большой урон казне причиняла расточительность Мас'уда. На пиру он мог подарить поэту миллион дирхемов⁵, в порыве великодушия простить провинившемуся чиновнику несколько миллионов дирхемов долга⁶ и т. д. По весьма неполным подсчетам, за 10 лет правления Мас'уда в дар родственникам и вельможам, послам и поэтам, танцовщицам и музыкантам, купцам, чиновникам, воинам и т. д. из государственной казны было роздано 20 млн. дирхемов и 250 тыс. динаров. Здесь не учтены средства на содержание двора, армии, чиновничьего аппарата, постройку крепостей, дворцов и т. д. Например, в 427/1036 г. в окрестностях Газны был построен новый замок-дворец для Мас'уда. Строительство продолжалось 4 года и обошлось казне в 7 млн. дирхемов. Однако Бейхаки подчеркивает, что сверх средств, истраченных на содержание наемных рабочих, еще в два раза больше пришло хашара и бесплатных

³ История Мас'уда, пер. А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 399.

⁴ Там же, стр. 367—368.

⁵ Там же, стр. 139.

⁶ Там же, стр. 138.

рабочих⁷. Таким образом, реальная стоимость постройки замка превышала 20 млн. дирхемов.

Абу-л-Фазл Бейхаки в «Истории Мас'уда» нарисовал достоверную картину разрухи и голода — последствий экономической и военной политики Мас'уда. В первую очередь это можно проследить на изменении цен и покупательной способности дирхема и динара в государстве Газневидов. Следует, правда, отметить, что в первые годы правления Мас'уда положение в государстве было довольно сносным.

Рассмотрим, например, цены на хлеб — предмет жизненной необходимости. Цены зависели от географических и климатических условий, от урожайности, но еще в большей степени от факторов экономического и политического порядка (войн, разорительных поборов и т. д.).

В период сравнительного благополучия, в 426/1035 г. (очевидно, урожайном) в Дихистане за 1 дирхем можно было купить 10 манов (6,8 кг) хлеба или 15 манов (10,2 кг) ячменя⁸. Это минимальные цены, приводимые в «Истории Мас'уда». В последующие годы, однако, цены неуклонно возрастали. В 429/1038 г. минимальной ценой 7 манов хлеба в Хорасане был уже 1 дирхем, а максимальной (в полупустынных районах) — 7 дирхемов⁹.

В 431/1039—1040 г. в Нишапуре, некогда богатом и цветущем городе, в результате войн, грабежей и поборов начался сильный голод. Сначала ман хлеба стоил 3 дирхема (цена для Нишапура невиданная), и жители, срывая кровлю с домов, продавали ее, но все же умирали от голода. По сообщению Бейхаки, «дирхем шел за данак», т. е. его покупательная способность упала в 6 раз¹⁰. Позже, в самый разгар голода, цена 1 мана хлеба поднялась до 13 дирхемов, и большая часть жителей города и округа погибла голодной смертью. В других областях государства Газневидов дела обстояли менее плачевно. Так, в государственных хранилищах столицы Мас'уда — Газне было припасено более 20 тыс. кафизов (3500 т зерна)¹¹.

Разруха и голод быстро распространялись по всему Хорасану. В том же 1040 г. участь Нишапура постигла города Тус, Серахс и их округу. Стоимость 1 мана хлеба в Серахсе поднялась до 10, а в Тусе — до 13 дирхемов. Автор «Истории Мас'уда» обвинял в создавшемся положении наместника Хорасана: «Сури разорил эту область»¹². Однако не только Сури был

⁷ История Мас'уда, стр. 442.

⁸ Там же, стр. 394.

⁹ Там же, стр. 475.

¹⁰ Там же, стр. 537.

¹¹ Там же, стр. 538.

¹² Там же, стр. 541 и 557.

этому виной: он грабил и разорял страну с молчаливого согласия самого Мас'уда.

Интересны сведения, приведенные в «Сафар-наме» Носира Хисроу. Так, в июле 1046 г. в деревне Куха возле Казвина был сильный недород и 1 ман ячменного хлеба там продавали за 2 дирхема. В июне 1052 г. в Исфагане тоже был недород и 1,5 мана пшеничного хлеба продавали за один полновесный дирхем; столько же стоили 3 мана ячменного хлеба. Однако, по словам Носира Хисроу, жители Исфагана утверждали, что до этого недорода «у них никто не видывал восьми ман хлеба дороже дирхема». По сообщению того же Носира Хисроу, в ноябре 1046 г. в Западном Иране в районах, богатых проточной водой и виноградниками, 200 манов винограда продавали за 1 динар. Столько же стоили 100 манов меду¹³ (видимо, имеется в виду виноградный мед).

В IX в. хлеб, видимо, стоил дешевле, чем в XI в.: так, в 886 г., когда в Бухарском оазисе был сильный голод, цена 1 мана хлеба все же не поднималась выше 3 дирхемов¹⁴.

Прямым следствием политики Мас'уда было обесценивание земельных владений. Характерен в этом отношении рассказ Абу-л-Фазла Бейхаки о селении Мухаммадабад, расположенном возле Нишапура. В хорошие для Нишапура времена один джуфтвер (или джериб — мера площади от 1260 до 1592 м²) прстой земли продавался в этом селении за 1000 дирхемов, а если на ней были деревья и она возделывалась, то за 3000 дирхемов. В 1040 г., когда в Нишапуре начался голод, а Хорасан был ареной военных действий, джуфтвер земли продавался за 200 дирхемов, а позже, в самый разгар голода, джериб земли в Мухаммадабаде продавался лишь за 1 ман пшеницы¹⁵. Следовательно, покупательная способность дирхема и динара прямо зависела от экономического состояния Хорасана в 30—40-х годах XI в.

Интересно отметить, что цены на землю в Хорасане и Бухаре за 100 лет (с 943—954 по 1039—1040 гг.) не намного изменились. В 943—954 гг. в так называемой «Деревне магов» под Бухарой был построен Самаркандский дворец. Желая приобрести участок по соседству с поместьями эмира, вельможи наперебой раскупали там землю, в связи с чем цена возросла до 4000 дирхемов за джериб¹⁶. Таким образом, в мирное время стоимость земли в Нишапуре в XI в. и в Бухаре в X в. была примерно одинаковой.

¹³ Носир Хисроу. Избранное, Сталинабад, 1954, стр. 24, 116, 28, 29.

¹⁴ The history of Bukhara, p. 38.

¹⁵ История Мас'уда, стр. 537—538.

¹⁶ The history of Bukhara, p. 31.

В 1128 г. переводчик «Истории Бухары» на персидский язык Ахмад ибн Наср ал-Кубави писал, что «сейчас эти поместья отдаются даром, но никто их не хочет. Что бы не было куплено, все было приобретено без пользы из-за угнетения и отсутствия милосердия к народу»¹⁷. Видимо, в 1128 г. в Бухаре положение было не намного лучше, чем в Нишапуре 1040 г.: произвол и притеснения властей привели к обесцениванию земельной собственности.

Налоги с областей взимали в зависимости от их размеров и богатства. Так, во второй четверти XI в. Табаристан платил Мас'уду 100 тыс. дирхемов¹⁸, а соседний Табаристану Дейлем во второй половине X в. платил Саманидам 160 тыс. нишапурских дирхемов¹⁹.

Возможно, что официальная сумма налогов с той или иной области в государстве Газневидов была не намного выше, чем в предшествующий период в государстве Саманидов. Однако благодаря злоупотреблениям и хищениям чиновников Мас'уда реальный объем поборов исчислялся суммой гораздо больше. Вспомним хотя бы наместника Хорасана, Сури, который из 10 награбленных дирхемов Мас'уду отдавал только 5.

В этом смысле показательна и система выплаты жалования войску, неоднократно применявшаяся газневидской администрацией. Каждому воину выдавался берат, своего рода ордер на получение определенной суммы из податных сборов, после чего воины отправлялись на грабеж мирного населения и брали много больше, чем было указано в бератах. Так, в 430/1039 г. «на Герат с его округами, на Бадгис и Гянджруста, куда можно было достать, выписали бераты войску на тысячу тысяч динаров и взимали насильно под предлогом: почему-де ладили с туркменами»²⁰. Когда в 426/1035 г. армия Мас'уда подошла к Амулю, воинам были выписаны бераты и за четыре дня грабежей войску досталось 160 тыс. динаров (учтенные по бератам деньги). Кроме того, в два раза больше было захвачено сверх всякой меры, не считая продовольствия²¹.

В «Истории Мас'уда» содержатся сведения о размере годового дохода купцов и скотопромышленников, о доходах с государственных имений, о содержании государевых чиновников, поэтов, вельмож в опале, представителей вассальных династий, находившихся при дворе в качестве заложников, о богатстве вельмож и т. д.

¹⁷ The history of Bukhara, p. 31.

¹⁸ История Мас'уда, стр. 408.

¹⁹ The history of Bukhara, p. 99.

²⁰ История Мас'уда, стр. 521.

²¹ Там же, стр. 409.

Годовой доход купца Абу Мути, который иногда вел торговые дела Мас'уда, составлял 16 тыс. динаров²². Газнийский кедхудай Манк Али Меймун содержал отары для эмира Мас'уда. В 1030 г. доход с этого хозяйства составил 15 тыс. динаров, кроме того в отарах еще насчитывалось 16 тыс. овец (цена барана была в то время около 1 динара)²³. За 15 лет доход с государственных имений в Газнийском округе составил 17 млн. дирхемов²⁴. Ежемесячное содержание государственных чиновников-дебиров обходилось в 70 тыс. дирхемов²⁵. Абу-л-Аскар, брат правителя области Меркан, будучи «на службе при дворе» (т. е. находясь при Мас'уде в качестве заложника) получал 5000 дирхемов жалования в месяц и по два халата в год. Помимо этого из хараджа с области Меркан Абу-л-Аскару отчислялось 10 тыс. динаров, не считая одежды и редких вещей²⁶. Заложник рангом ниже получал только 5000 дирхемов ежемесячно²⁷.

На содержание опального вельможи, заточенного с несколькими слугами в Газнийскую крепость, Мас'уд велел выдать 1000 динаров и 20 тыс. дирхемов²⁸. Гонцу, отправленному с важным поручением, дали отличного коня и 2000 дирхемов²⁹.

В руках знати газневидского государства накапливались огромные ценности, исчисляемые миллионами дирхемов или сотнями тысяч динаров. Состояние вельможи Абу Насра оценивалось в 300 тыс. динаров³⁰.

В качестве аналогии IX—X вв. большой интерес представляют некоторые данные, приведенные в «Истории Бухары». Последний из потомков Бухар-Худатов, владевший поместьями в Бухаре, получал с них 20 тыс. дирхемов дохода в год³¹.

Под Бухарой была местность Даштак, поросшая камышом. Исмаил Самани купил ее у своего подданного за 10 тыс. дирхемов и в первый же год выручил такую же сумму от продажи камыша³².

В IX—X вв. считалось, что для скромного существования супружеской четы необходима была сумма в 300 дирхемов в год³³. Подмастерье медника в IX в. получал 15 дирхемов в месяц (180 дирхемов в год)³⁴.

²² История Мас'уда, стр. 137.

²³ Там же, стр. 138; И. С. Брагинский. Очерки из истории таджикской литературы, Душанбе, 1956, стр. 370.

²⁴ История Мас'уда, стр. 138.

²⁵ Там же, стр. 152.

²⁶ Там же, стр. 236.

²⁷ Там же, стр. 205.

²⁸ Там же, стр. 230.

²⁹ Там же, стр. 357.

³⁰ Там же, стр. 89.

³¹ The history of Bukhara, p. 12.

³² Ibid, p. 28.

³³ А. Мец. Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 299.

³⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. 1, М., 1963, стр. 274.

Низами Арузи сообщает о своего рода прожиточном минимуме для второй половины X в. Абу-л-Хасан Фаррухи, придворный поэт Махмуда Газневидского, в ранней молодости служил у одного из сеистанских дехкан, который платил ему ежегодно 1000 манов (680 кг) зерна и 100 дирхемов, чеканенных при Нухе (ибн Мансуре, 976—977 гг.), т. е. дирхемов высокопробных. Этого Фаррухи хватало. Однако после женитьбы он просил хозяина платить ему 1500 манов зерна и 150 дирхемов, ибо «это, быть может, уравновесит мои (Фаррухи) расходы»³⁵.

В «Истории Мас'уда» приведены также данные о стоимости различных предметов роскоши, вооружения, утвари и т. д. Стоимость жемчужных ожерелий колебалась от 10 тыс. до 1000 динаров³⁶, два меча на перевязях, усыпанных драгоценными камнями, стоили 50 тыс. динаров³⁷, наседельный чепрак с вышивкой — 50 дирхемов³⁸. Привозные багдадские стеклянные кубки, простые и конические, стоили очень дорого — по 1 динару штука, а в голодное время в Нишапуре — лишь 3 дирхема³⁹.

В начале 70-х годов XI в. боевой скакун из конюшни султана Меликшаха стоил 300 нишапурских динаров⁴⁰. Примерно столько же (320 динаров) стоила быстроходная охотничья лошадь в XII в.⁴¹

Боевой слон из войска Мас'уда стоил 100 тыс. дирхемов⁴². Боевые слоны, естественно, ценились гораздо дороже обыкновенных рабочих слонов. Так, во второй половине X в. рабочий слон (правда, в самой Индии, а не в Газне) стоил 10 тыс. дирхемов⁴³.

В «Истории Бухары» приводятся цены на оружие в VIII в. В войске Кутейбы было мало оружия и поэтому цены сильно поднялись, так что копье стоило 50 дирхемов, щит 50—60, а кольчуга 700 дирхемов⁴⁴. Во времена Мас'уда, возможно, цены были другими, но соотношение их оставалось прежним — стоимость кольчуги равнялась стоимости 14 копий или 12—14 щитов.

³⁵ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы, пер. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкина, М., 1963, стр. 67.

³⁶ История Мас'уда, стр. 161, 336, 337.

³⁷ Там же, стр. 220.

³⁸ Там же, стр. 324.

³⁹ Там же, стр. 538.

⁴⁰ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей..., стр. 74.

⁴¹ Усама ибн Мункыз. Книга назидания, пер. М. А. Салье, М., 1968, стр. 309.

⁴² История Мас'уда, стр. 503.

⁴³ Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии, пер. Р. Л. Эрлих, под ред. И. Ю. Крачковского, М., 1959, стр. 106.

⁴⁴ The history of Bukhara, p. 46.

Добавим к этому перечню цен, позволяющему судить о покупательной способности дирхема и динара, некоторые сведения, полученные из других источников. «Зеленый кувшин» (видимо, имеется в виду кувшин, покрытый зеленой поливой) стоил во второй половине X в. полдирхема⁴⁵, сильный и здоровый чернокожий раб — 30 динаров⁴⁶.

Около 1178 г. по приказу Салахаддина жители Аскалона должны были покинуть город, который следовало разрушить, чтобы он не достался крестоносцам. Аскалонцы начали продавать вещи, непригодные для перевозки: «что стоило 10 дирхемов, продавали за 1 дирхем и никто не покупал... некий аскалонец продавал за 1 дирхем двенадцать кур, по чему можно судить о дешевизне всего остального»⁴⁷. Итак, обычная цена двенадцати кур в это время была, видимо, в пределах 10 дирхемов, а курица стоила $5/6$ дирхема, или 5 данаков.

В IX в. в Басре, во время окота, козленка продавали за 10 дирхемов, но это считалось дорогим, ибо в период благоденствия и дешевизны козлята стоили еще дешевле⁴⁸. Стоимость 100 верблюдов составляла в то время 10 тыс. дирхемов⁴⁹. Самые ранние персики шли по 6 штук на дирхем, в период же массового созревания — по 200 штук за дирхем⁵⁰. Блюдо фиников стоило 2 данака ($2/6$ дирхема)⁵¹, рыба низшего сорта — 1 хаббу, или 2 данака⁵². Стоимость дома колебалась от 1000 до 45 тыс. динаров⁵³. Сдавались дома за 30 дирхемов в месяц⁵⁴.

Разумеется, приведенные сведения отрывочны и на основе их трудно делать далеко идущие выводы. Однако создается впечатление, что покупательная способность дирхема была в IX—X вв. выше, чем в XI—XII вв. Это, возможно, объясняется еще и тем, что в XI в. начинается так называемый «серебряный кризис» и связанная с этим явлением порча монеты. Содержание серебра в дирхемах быстро уменьшалось, и монеты становились низкопробными. Доказательством того, что ко времени Мас'уда порча дирхема уже зашла далеко, является сообщение Бейхаки, что де Мас'уд наградил поэта Зинати миллионом дирхемов, «да еще таких, в коих на каждые 10

⁴⁵ Чудеса Индии, стр. 71.

⁴⁶ Там же, стр. 48.

⁴⁷ Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме, М., 1967, стр. 131.

⁴⁸ Ал-Джахиз. Книга о скупых, пер. с арабского, предисловие и примечания проф. Х. К. Баранова, М., 1965, стр. 62.

⁴⁹ Книга о скупых, стр. 190.

⁵⁰ Там же, стр. 161.

⁵¹ Там же, стр. 162.

⁵² Там же, стр. 152.

⁵³ Там же, стр. 110—190.

⁵⁴ Там же, стр. 107.

дирхемов (монет. — М. Ф.) было 9,5 дирхемов (весовых единиц. — М. Ф.) чистого серебра»⁵⁵. Очевидно, денежный рынок был уже к тому времени достаточно насыщен низкопробной монетой, так что высокопробные дирхемы стали редкостью.

Говоря о «ценности» дирхемов и динаров, нельзя также забывать о том, что существовал разноряд в области метрологии и высокопробности монет. Не случайно для XI в. в «Истории Мас'уда» упоминаются три типа динаров: нишапурские⁵⁶, гератские⁵⁷ и сипахдари⁵⁸, а в летописи 426 г. (1035 г.) приводится интересное сообщение о том, что Мас'уд велел собрать с Амуля и Табаристана «золота нишапурского 1 000 000 динаров»⁵⁹. Предпочтение, как правило, отдавалось динарам нишапурским, которые, очевидно, были стабильнее в метрическом отношении и более высокопробны. Интересно, что в X в. встречается термин «нишапурские дирхемы»⁶⁰. Термин «нишапурские динары» встречается и во второй половине XI в.⁶¹

Проблема «ценности» или покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах в IX—XII вв. — весьма важная, но пока малоизученная. Она еще ждет своего исследователя. Предлагаемая работа является лишь одной из первых попыток, осуществленных в этом направлении.

⁵⁵ История Мас'уда, стр. 139.

⁵⁶ Там же, стр. 54, 211, 236.

⁵⁷ Там же, стр. 82.

⁵⁸ Там же, стр. 367.

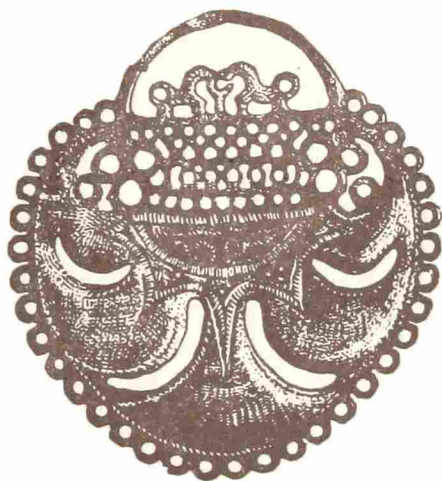
⁵⁹ История Мас'уда, стр. 408.

⁶⁰ The history of Bukhara, p. 33.

⁶¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей..., стр. 74.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1
1975

М. Н. ФЕДОРОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ДИХКАНСТВА ПРИ КАРАХАНИДАХ

(по данным караханидской нумизматики)

Первым исследователем, заинтересовавшимся историческими судьбами среднеазиатского дихканства, был В. В. Бартольд, обращавшийся к этому вопросу как в специальных статьях, так и в своих монументальных монографиях. Впоследствии этой проблемой занимались также Б. Г. Гафуров, А. Ю. Якубовский и О. Г. Большаков.

Основные сведения и некоторые выводы по интересующему нас вопросу, прочно вошедшие в науку и не претерпевшие в основном до сих пор существенных изменений, были даны В. В. Бартольдом уже в 1896 г. в статье «Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии»¹ и дополнены в 1902 г. в монографическом исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»².

В. В. Бартольд отмечал, что накануне арабского завоевания «господство в Мавераннахре» принадлежало землевладельческой аристократии, или дихканам «жившим в укрепленных замках и в военное время составлявшим рыцарскую конницу». Господство дихкан не ограничивалось, как это было в Сасанидском Иране, «союзом трона и алтаря, т. е. сильной монархической властью и влиятельным духовенством». По словам В. В. Бартольда, местные владетели были только первыми дворянами, «даже самые сильные из них подобно своим подданным именовались дихканами»³.

Экономическое и политическое могущество дихкан основывалось на их крупной земельной собственности, которая располагалась, кстати, не только в сельских местностях, но и городах, где им принадлежали целые улицы и кварталы⁴.

Первый сильный удар был нанесен дихканству арабским завоеванием. Какая-то часть из них была уничтожена физически, и их земельная собственность перешла к завоевателям. Однако основная масса дихканства уцелела, правда лишившись определенной части своих владений. Так, в 710 г., завоевав Бухару, арабский полководец Кутейба потребовал от жителей, чтобы они отдали арабам половину домов и земельных участков⁵.

Позже методы арабских завоевателей несколько изменились, но цель оставалась прежней: они любыми путями пытались приобретать в покоренном Мавераннахре земельную собственность. Иногда это достигалось путем покупки, иногда владельцы земель сами передавали свои участки

¹ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 322—332.

² В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., 1963.

³ Там же, стр. 238, 601.

⁴ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 324.

⁵ Там же, стр. 325.

под покровительство арабов, дабы избежать обременительного налога харадж, налагававшегося на завоеванное население.

В обстановке непрекращавшихся антиарабских выступлений некоторые наиболее дальновидные представители господствующей прослойки арабского халифата пытались проводить политику сближения с диканами, чтобы расколоть единый фронт антиарабских выступлений. Однако в период правления Омейядов эта политика не получила официального одобрения. Так, например, наместник Хорасана в 720—721 гг. Сандибн Абд ал-Азиз пытался мягкостью привлечь на свою сторону местных дикан, однако возбудил неудовольствие арабов, получил насмешливое прозвище «Госпожа» и был в конце концов смещен омейядским правительством⁶.

Когда в середине VIII в. в халифате началась борьба между Омейядами и Аббасидами, последние широко опирались на помощь местного ираноязычного населения, и в первую очередь на дикан. Придя к власти, Аббасиды начали проводить последовательную политику сближения с местной землевладельческой аристократией, которая при Омейядах была ущемлена в экономических и особенно политических правах.

Целый ряд высших должностей в аббасидском государственном аппарате и армии был передан теперь представителям местной землевладельческой аристократии. Даже самая высшая должность в халифате, пост вазира, находился во второй половине VIII — начале IX в., на протяжении около 40 лет, в руках семьи Бармакидов, которые принадлежали к местной землевладельческой аристократии и владели в районе Балха огромными земельными угодьями⁷. Итак, арабское завоевание нанесло диканству сильный удар, однако не смогло подорвать окончательно его экономического и политического могущества. Не случайно основатели возникших в IX в. первых местных династий Тахиридов и Саманидов, с которыми связано начало возрождения местной иранской государственности и культуры, происходили из среды представителей диканства, перешедших на службу к арабам и принявших ислам.

О значительной роли диканства в IX в., которое в общем, по мнению В. В. Бартольда, должно было приветствовать переход власти в Мавераннахре от арабских завоевателей к представителям местной династии, говорит, например тот факт, что саманидский эмир Исмаил всерьез опасался дикан. Так, будучи послан в качестве правителя в Бухару, Исмаил собрал крупнейших представителей диканства во главе с Бухар-худатом и отправил их якобы в качестве послов к своему брату Насру в Самарканд, тайно попросив Насра задержать «послов» в Самарканде до тех пор пока он, Исмаил, не утвердится в Бухаре⁸.

Исмаил хорошо понимал, что основа экономического и политического могущества диканства лежит в их земельных владениях. Поэтому он всячески пытался лишить их этих владений. Так, крупнейший из бухарских дикан, происходивший из рода Бухар-худатов, правивших Бухарой до арабского нашествия, был лишен своих земельных владений, и вместо этого Исмаил назначил ему пенсию в 20 тыс. дирхемов в год (т. е. ровно столько, сколько составлял годовой доход с этих владений).

При содействии Исмаила жители селения Искиджкет выкупили землю у дикан, уплатив последним 170 тыс. дирхемов¹⁰. Тут, видимо, не обошлось без нажима на дикан со стороны Исмаила. В. В. Бартольд считает, что переход земель посредством выкупа их от диканства к жителям

⁶ В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 247.

⁷ В. В. Бартольд. Соч., т. IV, М., 1966, стр. 669—671.

⁸ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 329.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 330.

торгово-промышленных селений, как это было с Искиджкетом в правление Саманидов, имел место «также в других городах и промышленных селениях»¹¹.

В правление Саманидов создается мощная прослойка новой высшей чиновничьей и военной знати. Представители этой прослойки господствующего класса, стремясь упрочить свое положение, всячески старались приобрести земельную собственность, скупая владения оказавшихся не у дел, разоряющихся представителей старых дихканских родов. Нередки были случаи, когда представители военной аристократии, иногда даже выслужившиеся из рабов, становились крупнейшими землевладельцами. Таким был, например, саманидский военачальник Алп-тегин, выслужившийся из рабов, которыми пополняли придворную гвардию. Алп-тегину принадлежало 500 деревень в Хорасане и Мавераннахре¹².

И все же, несмотря на происходившие исторические процессы, дихканство не утратило полностью своих господствующих позиций. Определенная часть дихканства по-прежнему находилась во главе крупных земельных владений и играла важную роль в стране. Причем у дихканства в целом не было определенной позиции по отношению к центральной власти. Некоторые пошли на службу к саманидским эмирам, другие, обеспокоенные усилением центрального правительства, находились в оппозиции к нему.

На окраинах Саманидской империи находились полунезависимые княжества, во главе которых чаще всего стояли потомки местных дихканских родов и которые, по словам арабского географа ал-Макдиси, отправляли в столицу не подати, а подарки¹³.

Роль дихканства в политической и экономической жизни Мавераннахра была еще весьма велика. Так, анонимный персоязычный географ X в., описывая Илак, сообщил, что «начальников этой местности называют дихканами Илака», в древности илакский дихкан принадлежал к удельным правителям¹⁴. В. В. Бартольд считал, что «дихкан Илака» уже не имел политической власти, но «благодаря своей обширной земельной собственности продолжал оказывать влияние на народ, так как ал-Макдиси называет его «сильным дихканом»¹⁵. Кстати, судьба представителей династии «дихкан Илака» и является предметом нашего исследования.

XI в. является переломным в исторических судьбах дихканства. Если в начале XI в. они были еще весьма могущественны и играли важную роль в жизни страны, где-то к середине XII в. роль дихканства настолько упала, что даже сам термин «дихкан» изменил свое первоначальное значение, и некий самаркандский ремесленник-портной по имени Ахмад, обладавший, видимо, небольшим земельным участком за городом, мог с гордостью именовать себя «дихканом»¹⁶. По словам В. В. Бартольда, «дихканы Мавераннахра ... после двух веков тюрского господства, в начале XIII в., во время монгольского нашествия... уже не играли никакой роли и самое слово «дихкан» употребляется только в смысле «крестьянин»¹⁷. Итак, в начале XI в. дихканы как представители крупной землевладельческой знати были еще настолько сильны, что могли содействовать Караханидам в их борьбе с Саманидами. По словам историка XI в. Утби, дихканы призвали Караханидского правителя Богра-хана в Мавераннахр, потому что им «наскучили дни династии Саманидов» и они

¹¹ Там же.

¹² В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 298.

¹³ Там же, стр. 292.

¹⁴ В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 292.

¹⁵ Там же, стр. 293.

¹⁶ О. Г. Большаков. Надгробие 541/1146 г. из Самарканда. ЭВ, XIV, Л., 1961, стр. 10—11.

¹⁷ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 332.

«жаждали перемен»¹⁸. В начале XI в. дикканы были настолько сильны, что могли со своими воинскими отрядами участвовать в завоевательных походах Караханидов¹⁹. Наконец, в это время некоторые представители дикканства были еще настолько сильны, что, воспользовавшись караханидским завоеванием, создали в Илаке местную полунезависимую династию, насчитывавшую по крайней мере трех правителей²⁰.

В начале же XIII в. дикканы как представители крупных землевладельцев полностью исчезают с исторической сцены, и даже сам термин «диккан», как уже говорилось, приобретает качественно новый смысл и употребляется в значении «крестьянин». В чем же тут дело? В. В. Бартольд пытается объяснить это интересное явление следующим образом: «разделение страны на несколько уделов, фактически независимых один от другого, и неизбежные при таком порядке смуты, грабежи и поборы способствовали совершенному обесценению поземельной собственности и совершенному упадку сословия дикканов»²¹. Это объяснение находится в соответствии с концепцией В. В. Бартольда об эпохе Караханидов как о времени регресса, от которой он, однако, впоследствии отказался²².

В настоящее время установлено, что XI—XII вв. для Средней Азии — период интенсивного развития производительных сил, небывалого подъема градостроительства, расцвета ремесел и торговли. Что касается сообщения Кубави об обесценении около 1128 г. земель в окрестностях Бухары «из-за притеснений» власти, которое имел в виду В. В. Бартольд, то здесь, несомненно, речь идет о временном обесценении как результате борьбы Арслан-хана с оппозиционно настроенным духовенством и знатью. Да и вообще, одного лишь сообщения Кубави явно сочувствовавшего оппозиции, совершенно недостаточно для утверждения об обесценении земельной собственности во время всего двухвекового господства Караханидов.

А. Ю. Якубовский правильно отметил, что «вместе с дикканством сошел с исторической сцены определенный тип крупных землевладельцев, которые не несли никакой службы, связанной с владением землей», и объяснил это «политикой гонений», которую Караханиды применяли к дикканам, видя в них угрозу своей власти. «По-видимому временами, — продолжает он, — эта политика была очень энергична и сурова, так как за караханидский период истории Мавераннахра окончательно сошли с политической сцены все главные дикканские фамилии, а вместе с ними прекратили существование и их родовые владения»²³.

О. Г. Большаков не был согласен с этой концепцией А. Ю. Якубовского, поскольку предположение последнего о гонениях Караханидов на диккан не находит подтверждения в письменных источниках²⁴. Как мы увидим ниже, нумизматические данные также свидетельствуют скорее не в пользу концепции А. Ю. Якубовского. Б. Г. Гафуров писал, что дикканы растворились в массе новых феодальных землевладельцев, которых он считал иктадарами²⁵.

О. Г. Большаков допускает, что в XI—XII вв. состав землевладельцев феодалов изменился за счет перехода части земель в руки чиновничьей и военной знати и за счет создания прослойки иктадаров, т. е. феодалов, пользовавшихся за службу правом условного землевладения, когда земельные угодия оставались собственностью государства, а иктадар полу-

¹⁸ Там же, стр. 332.

¹⁹ В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 335.

²⁰ М. Н. Федоров. Об одной группе караханидских монет 388—404 гг. х. ЭВ, XX, 1971, стр. 88—89.

²¹ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 2, стр. 332.

²² В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 62, ср. В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1, стр. 247.

²³ История Узбекской ССР, т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 258.

²⁴ История таджикского народа, т. II, кн. 1. М., 1964, стр. 251.

²⁵ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Изд. 3, т. I. М., 1955, стр. 237.

чал лишь причитающиеся с них палогн. Однако О. Г. Большаков скептически относится к установившемуся в науке мнению о широком распространении института икта в государстве Караханидов и создании там качественно новой прослойки феодальных землевладельцев, говоря, что «для безоговорочного утверждения о господстве при Караханидах икта одной лишь аналогии с Сельджукидами недостаточно». Поэтому предположение Б. Г. Гафурова о том, дикхане растворились среди иктадаров, он считает «более правдоподобным, одним из возможных, но не единственным»²⁶.

На наш взгляд, скептизм О. Г. Большакова по поводу распространения института икта и иктадаров в государстве Караханидов, который О. Г. Большаков подкрепляет тем, что для государства Караханидов мы имеем всего-навсего упоминание об одном лишь случае пожалования уделов в икта, и соображениями о том, что центральное правительство всегда стремилось перевести иктадаров на денежное жалование, отобрав при этом у них земельные наделы, и тем, что икта давались лишь в тех случаях, когда нечем было платить за службу²⁷, не совсем обоснован. Нельзя забывать того, что до нас не дошло почти ни одной хроники, написанной на территории Караханидского государства, для Караханидов и о Караханидах. За сведениями по истории Караханидов мы вынуждены обращаться к сочинениям газневидской и сельджукидской исторической школы, которые дают информацию нередко противоречивую и крайне скудную. Возможно, этим и объясняется тот факт, что в письменных источниках того времени у нас есть лишь одно упоминание о пожаловании икта в государстве Караханидов.

Повсеместное распространение института икта и иктадаров — это общая для мусульманского Востока XI—XII вв. тенденция в развитии социально-экономических отношений. И едва ли стоит преуменьшать ее значение для Караханидского государства. Возвращаясь к вопросу о судьбах дикханства, О. Г. Большаков предлагает «другое объяснение, не затрагивающее не решенный пока вопрос об икта». Концепция О. Г. Большакова представляется нам наиболее полным и наиболее близким к истине решением интересующей нас проблемы.

Посмотрим, что же предлагает О. Г. Большаков²⁸. 1) «Существенным отличием дикхан от иктадаров было то, что они владели землей на правах милка». 2) После арабского завоевания часть милковых земель перешла к завоевателям, а позже — к новой местной династийной и служилой аристократии, которая скупала милки у разорвавшихся дикхан. 3) Этот процесс продолжался при Караханидах, которые сами стали владельцами крупнейших милков, унаследовав поместья, купленные Саманидами. Помимо этого, Караханиды постоянно пополняли свои владения за счет покупок новых земель. Об этом есть сведения в письменных источниках того времени. 4) Земельные участки приобретала новая тюркская служилая знать, а также купцы и зажиточные ремесленники. 5) В результате дикханы «перестали быть основными владельцами милков и растворились в массе землевладельцев. Существование икта должно было также способствовать утрате дикханами прежнего положения. То, что дикханы слились с массой владельцев милков, а не иктадаров, доказывает и трансформация значения слова «дикхан», которая произошла в XII в. Эволюция слова очень понятна, так как первоначально именно дикханы были владельцами милков, а в XII в. по этому признаку стали называть дикханами всех владельцев милковых земель, независимо от их происхождения».

Для подтверждения этого последнего положения О. Г. Большаков ссылается на опубликованное им надгробие 1146 г. из Самарканда, где

²⁶ История таджикского народа, стр. 250—251.

²⁷ Там же, стр. 250.

²⁸ Там же, стр. 251—252.

ремесленник-портной назван дихканом, и сообщение О. И. Сухаревой о том, что в Бухаре в начале XX в. дихканами все еще называли горожан, имевших загородные участки²⁹. Так выглядит вопрос об исторических судьбах дихканства, для решения которого до сих пор привлекали лишь данные средневековых письменных источников и памятников эпиграфического характера. Нумизматические данные, сколько нам известно, к решению или уточнению этого вопроса до сих пор не привлекались ни разу. А между тем данные караханидской нумизматики сообщают очень интересные сведения для освещения одного из аспектов этой проблемы.

Рис. 1. Фельс Илака 391 года хиджры. Аверс и Реверс

Как мы говорили выше, арабские и персидские географы X в. при описании области Илака непременно упоминали «дихкана Илака», называя его «сильным дихканом», добавляя, что «в древности дихкан Илака принадлежал к удельным правителям». Основываясь на сообщениях средневековых источников, В. В. Бартольд писал, что представители рода «дихкан Илака» хотя и не имели больше политической власти, все же благодаря огромным земельным владениям, сконцентрированным в их руках, продолжали оказывать большое влияние на народ³⁰.

Как и многие другие представители дихканских родов, дихканы Илака не мирились со своим теперешним положением и мечтали вернуть былую власть. Поэтому, как только в 382/992 г. караханидский правитель Богра-хан Харун начал наступление на Саманидов, представитель рода «дихкан Илака» Мансур ибн Ахмад разорвал связь с Саманидами и выпустил в Илаке монеты от своего имени, став основателем династии «дихкан Илака». Правда, на своих монетах Мансур ибн Ахмад из осторожности признал сюзереном Богра-хана Харуна³¹.

В том же 382 г. Богра-хан Харун умер, караханидское наступление на Саманидов захлебнулось. В Бухару вернулся бежавший оттуда «законный» саманидский эмир. В этих условиях Мансур ибн Ахмад, видимо, считал за благо прекратить выпуск монет от своего имени. Во всяком случае на сегодняшний день не известен чекан Илака между 382 и 387 гг. хиджры. В 386 г. х. произошло новое вторжение Караханидов в Мавераннахр, которое и на этот раз не завершилось окончательным падением Саманидов. Был заключен мир, по которому границей между владениями Саманидов и Караханидов стала Катванская степь³².

²⁹ История таджикского народа, стр. 252.

³⁰ В. В. Бартольд. Соч., т. I, стр. 292.

³¹ М. Н. Федоров. Ук. соч., стр. 88.

³² В. В. Бартольд. Соч. т. I..., стр. 324—325.

Таким образом, Илак перешел в сферу влияния Караханидов. Род «дихкан Илака» не замедлил откликнуться на эти события. В 387 г. х. в Илаке были выпущены фельсы от имени «дихкана ал-Джалила тегина Абу Салиха», который на своих монетах признал сюзереном караханидского правителя Ахмада ибн Али, брата того самого Насра ибн Али, который окончательно завоевал в 389 г. х. Мавераннахр.

Расшифровка на монете куньи «Абу Салих» представляла известные трудности, и поэтому первоначально эта надпись была прочитана автором как имя «Ака Салих»³³. Однако впоследствии, по получении нового нумизматического материала и зрелом размышлении, автор пришел к выводу, что трудное место на монетах Илака конца IV в. хиджры следует читать как кунью «Абу Салих», помещенную на монетах в форме винительного падежа «Аба Салих», или сокращенно «Ба Салих»³⁴. Этот же Абу Салих выпустил в Илаке монету и в 388 г. х., по-прежнему признавая своим сюзереном караханидского правителя Ахмада ибн Али³⁵.

Долгое время личность Абу Салиха, именовавшего себя на монетах «дихкан ал-Джалил», т. е. «Славный дихкан», и подчеркивавшего свою принадлежность к старинной дихканской землевладельческой аристократии, была нам неизвестна, пока не был найден фельс Илака 391 г. х. (из находок археолога Л. Г. Брусенко на раскопках городища Намудлыг-Тепе под Ангреном).

Ввиду исключительного интереса привожу ее описание (рис. 1). Аверс. В поле, в ободке из двух линейных кругов с четырьмя колечками между ними размещен четырехугольный фестончатый картуш.

В картуше: محمد / بن منصور / باصالح

В круговой легенде: بسم الله ضرب هذا الفليس بايلاق سنة احدى وتسعين ثلثماية

Реверс. В поле в ободке из двух линейных и одного точечного меж ними кругов: لله / محمد / رسول الله / خاقان المظفر

В круговой легенде: مما امر به الامير الجليل احمد بن علي ايده الله

Итак, благодаря этой монете нам стало известно полное имя Абу Салиха. Это — Мухаммад ибн Мансур сын Мансура ибн Ахмада, основавшего в 382 г. х. в Илаке полунезависимую династию «дихкан Илака». Таким образом, Абу Салих и Мансур ибн Ахмад оказались одним и тем же лицом³⁶. В 393 г. х. (коллекция Музея истории народов Узбекистана в Ташкенте, инв. № 46/2) в Илаке по-прежнему чеканил монету Мухаммад ибн Мансур, признавая своим сюзереном того же Караханида Ахмада ибн Али. В 395 г. х. Дихкан ал-Джалил Мухаммад ибн Мансур продолжал чеканить монету в Илаке на правах вассала Ахмада ибн Али³⁷.

Самая поздняя илакская монета Дихкан ал-Джалил Абу Салиха выпущена в Илаке в 398 г. х., где он по-прежнему выступает как вассал караханидского правителя Ахмада ибн Али. (Фельс из находок археолога К. Абдуллаева в 1969 г. на раскопках городища Канка в Ташкентской области.) В 399 г. х. в Илаке на правах вассала Ахмада ибн Али выпускал монету уже сын Мухаммада ибн Мансура, Дихкан ал-Джалил Салар ибн Мухаммад³⁸.

Что же произошло с Абу Салихом Мухаммадом ибн Мансуром? На этот вопрос нам дают ответ монеты, и вот тут-то мы и получаем новые сведения к проблеме об исторических судьбах дихканства XI в. Оказалось,

³³ М. Н. Федоров. Ук. соч., стр. 87.

³⁴ М. Н. Федоров. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. (Караханидские монеты как исторический источник). ИЭ, X, 1972, стр. 142.

³⁵ М. Н. Федоров. Об одной группе караханидских монет..., стр. 88.

³⁶ Первоначально автор считал, что загадочный Абу Салих и Мухаммад ибн Мансур — два разных правителя. См. М. Н. Федоров. Об одной группе караханидских монет..., стр. 88.

³⁷ М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 81.

³⁸ А. К. Марков. Инвентарный каталог монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 219, № 193.

что Мухаммад ибн Мансур, оставив Илак своему сыну, пошел на службу к Ахмаду ибн Али. Произошло ли это под нажимом Ахмада ибн Али или обошлось без этого, только в 388 г. х. кунья «Абу Салих» в форме винительного падежа появляется на монетах г. Урду, где Абу Салих Мухаммад ибн Мансур является наместником и вассалом Ахмада ибн Али³⁹. В 399 г. х. кунья Абу Салиха появляется на монетах Испиджаба, где он также является вассалом и наместником Ахмада ибн Али⁴⁰.

Полунезависимая династия дихкан Илака просуществовала около 20 лет. В 401 г. х. разразилась война между Насром и его братом Ахмадом ибн Али. Третий из братьев, Мухаммад ибн Али, выступил на стороне Насра и в 401 г. х., завоевав Илак у верных вассалов Ахмада — дихкан Илака, выпустил там монету от своего имени, признавая сюзереном своего старшего брата Насра ибн Али⁴¹.

Перестав существовать как полунезависимая династия, члены рода дихкан Илака выступили в новом качестве: представители крупной землевладельческой дихканской аристократии на службе у Караханидов. В последний раз мы встречаем бывшего представителя династии дихкан Илака Абу Салиха Мухаммада ибн Мансура в 404/1013—1014 г. в качестве вассала и наместника Ахмада ибн Али в Согде. На монетах этого года, выпущенных в Согде, была помещена кунья Абу Салиха в форме винительного падежа и титулатура его сюзерена Ахмада ибн Али.

В 403 г. х. после смерти Насра ибн Али, между оставшимися его братьями Мухаммадом и Ахмадом началась война за передел владений Насра. В короткий срок Ахмад завоевал Самарканд, Согд и ряд других городов. Не исключено, что военные действия на этом направлении возглавлял именно Абу Салих Мухаммад ибн Мансур, который не мог простить Мухаммаду ибн Али осуществленной последним в 401 г. х. аннексии Илака и упразднения там полунезависимой династии «дихкан Илака». Как бы там ни было, но для охраны вновь захваченных городов и южных своих рубежей Ахмаду ибн Али нужен был старый и испытанный вассал, каким и оказался Абу Салих, которого Ахмад назначил своим наместником в Согд. Не исключено, что Абу Салих здесь и погиб во время военных действий. Во всяком случае после 404 г. х. у нас нет о нем никаких известий.

Итак, нумизматический материал дал нам новые сведения к вопросу об исторических судьбах дихканства в правление Караханидов в начале XI в. И эти сведения говорят не о «политике гонений», а скорее о политике союза между Караханидами и отдельными представителями крупных дихканских фамилий. Карьера родовитого, могущественного дихкана Абу Салиха Мухаммада ибн Мансура, начавшего как правитель из местной полунезависимой династии дихкан Илака и кончившего как представитель крупной землевладельческой знати на службе у караханидского хакана Ахмада ибн Али, прослеженная нами по выпускавшимся этим дихканом монетам, является весьма показательной и, надо полагать, не единственной в своем роде.

Переход определенной части представителей древних дихканских родов на службу к Караханидам, видимо, обуславливал неприкосновенность земельных владений этих дихкан. Вместе с тем они уже выходили из категории дихканов в том значении, которое придавал этому термину А. Ю. Якубовской: т. е. они переставали быть представителями той определенной прослойки крупных землевладельцев, которые не несли никакой государственной службы, связанной со владением землей. Не подлежит сомнению, что какая-то часть дихканства, перешедшая на службу к Караханидам, постепенно растворилась в среде новой служилой и династической тюркской аристократии, возникшей в Мавераннахре с приходом Караханидов и владевшей земельной собственностью на правах милка и икта.

³⁹ М. Н. Федоров. Об одной группе караханидских монет..., стр. 88.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ М. Н. Федоров. Политическая история Караханпдов..., стр. 152.

DU PROBLEME DES DESTINEES HISTORIQUES DES «DIHKANS»
SOUS LES KARAKHANIDES

Résumé

Au début du VIII s., à Maverannakhra, le pouvoir était détenu par les «dikhkans», couche sociale composée de riches propriétaires terriens qui habitaient les châteaux fortifiés et pendant la guerre constituaient la cavalerie de chevalerie. Au début du XII s., les dikhkans en tant que institution de la grande aristocratie terrienne héréditaire n'exerçant aucun service en rapport avec la possession des terres disparaissent de la scène historique et le terme de «dikhkan» change considérablement de sens et en sa signification nouvelle, désigne le «paysan». L'article passe en revue les opinions des scientifiques sur les causes et le mécanisme de ce processus historique. Il cite également, utilisées pour la première fois à la résolution et la définition de ce problème, les données de la numismatique karakhanide. C'est grâce à ce matériel qu'on a réussi à établir que le dikhkan influent Abou Salikh, au début de sa carrière membre de la dynastie dikhkanienne à demi-indépendante d'Ilaka, est devenu, vers sa fin, un représentant de la grande noblesse terrienne au service des Karakhanides. On peut en conclure qu'une partie de dikhkans a été assimilée par la nouvelle aristocratie dynastique exerçant un service qui apparaît en Asie Centrale après la venue des Karakhanides.